

RU

«Веги» Д. П. Святополк-Мирского в историческом пространстве русской литературы

Рягузова Л. Н.

Аннотация. Целью исследования является определение специфики речевого мировоззрения Д. П. Мирского, метафоричности стиля его научного мышления, – актуальных и недостаточно изученных аспектов его творческого наследия. В статье анализируется литературоведческий дискурс Д. П. Святополк-Мирского, в частности, каталогизируются приемы стилизованных обобщений и их индивидуально-авторское терминологическое выражение на материале «Истории русской литературы с древнейших времен по 1925 год» в контексте методологических исканий критики русского зарубежья. Автор акцентирует жанровое своеобразие научного труда, отразившего в своем изложении оппозиции: общее/отдельное, оригинальное/переводное, личностное/неличностное, эстетическое/социологическое. Научная новизна концепции заключается в выявлении функций нарративных приемов и критической оптики Мирского, сочетающей микро- и макропоэтические миры, взгляд на русскую литературу извне и изнутри национальной традиции. Полученные результаты показали, как благодаря приемам стилизованной компрессии, метафорической образности и нарративной редукции формируется и формулируется индивидуально-авторское видение Мирским художественной онтологии и концептологии русской литературы, ее *vice versa* и *modus vivendi*.

EN

“Landmarks” of D. S. Mirsky in the historical space of Russian literature

Ryagzova L. N.

Abstract. The aim of the research is to determine the specifics of D. S. Mirsky’s speech worldview, the metaphorical style of his scientific thinking, which are relevant and insufficiently studied aspects of his creative heritage. The paper analyses the literary discourse of D. S. Mirsky, in particular, catalogues the techniques of stylistic summarisations and their author’s individual terminological expression using the material of “A History of Russian Literature: From Its Beginnings to 1925” in the context of methodological searches of criticism of the Russian émigré community. The author emphasises the genre originality of the scientific work, which reflected the following oppositions: general/separate, original/translated, personal/nonpersonal, aesthetic/sociological. The scientific novelty of the concept lies in identifying the functions of Mirsky’s narrative techniques and critical optics, combining micro- and macropoetic worlds, a view of Russian literature from the outside and from within the national tradition. The research findings showed how, through the techniques of stylistic compression, metaphorical imagery and narrative reduction, the author’s individual vision of the artistic ontology and conceptology of Russian literature, its *vice versa* and *modus vivendi*, is formed and formulated by Mirsky.

Введение

Актуальность темы обусловлена рассмотрением эстетических принципов Д. П. Мирского, в частности анализом приемов историко-литературных обобщений в их индивидуально-авторском терминологическом выражении на материале «Истории русской литературы с древнейших времен по 1925 год» (1926). Привлекательность и познавательная ценность для современного прочтения исторической концепции Мирского обусловлена соединением в ней микро- и макропоэтических миров, смещением и сочетанием масштабов «художественного видения», разным тематическим ракурсом исследования, взглядом на литературный процесс извне и изнутри, сопоставлением современного критерия оценки литературного явления и взятого в исторической перспективе.

Задачи нашего исследования заключаются в том, чтобы выявить методологические установки и эстетические оценки критика через текстуальный и ассоциативно-семантический анализ его историко-литературных трудов.

С целью прояснения максимально достоверных и текстуально подтвержденных аргументов в статье используются следующие методы исследования: сравнительно-исторический, системно-типологический, концептуальный, структурно-семиотический и стилистический.

Теоретико-литературные категории научной мифологии Д. П. Мирского могут быть реставрированы с учетом их целостного прочтения и системного функционирования в англоязычных и русскоязычных критических контекстах. Этим, безусловно, осложняется задача изучения единства речевого мировоззрения ученого, симметрическая соотнесенность его понятий и терминов. Творческое наследие Д. П. Святополк-Мирского в настоящее время изучено больше в историко-биографическом, политико-публицистическом контексте русского зарубежья: труды Дж. Смита (2014; Smith, 2000), М. В. Ефимова (2015; 2018; 2019), Н. Ю. Прайс (2015), О. А. Казниной (1997). Разносторонняя деятельность Мирского-журналиста достаточно полно отражена в обзорных статьях в учебной и энциклопедической литературе (Литература русского зарубежья..., 2011; Литературная энциклопедия..., 2000). Именно эти труды составили теоретико-методологическую основу нашей работы. Практическая значимость исследования обусловлена возможностью использования его результатов и опытов анализа в практике вузовского преподавания, в частности курсов истории критики и литературы русского зарубежья.

Обсуждение и результаты

Понятийно-терминологический аппарат. «Мастерство рассказоведения» – метафорический термин из «Истории» – вполне, на наш взгляд, характеризует экспрессивную и занимательную манеру изложения Мирского, уникальную, «индивидуальную общность» его историко-литературного нарратива. Анализируя стиль Пушкина, критик, в частности, выделяет манеру повествования о самом главном (*in medias res*), а также резкие переходы и лирические эпилоги в его текстах: следы байроновского «рассказоведения» (Святополк-Мирский, 2014, с. 153). Байроновский «элемент» сводится к теме и «повествовательной форме», которая включает выбор главных произведений (*opus magnum*), «достойных упоминания», расставляет «особые вехи» в историческом пространстве русской литературы (Святополк-Мирский, 2014, с. 364). Мысль П. М. Бицилли о «культурном синтезе Средневековья» можно соотнести с методологией Мирского в отношении русской литературы, понятие о которой синтезируется и концептуализируется согласно историческим этапам и открытиям в области художественного мышления.

Мирский выделяет «вехи истории» – по сути, это метафорические единицы измерения эстетической значимости литературных явлений. Историко-литературная оценка творчества и биографические сведения об авторе им редуцированы, сведены, как правило, к «общим замечаниям» (Святополк-Мирский, 2014, с. 377). Эта манера напоминает «общий взгляд» (как методологический принцип) на литературный процесс (и выделенные «периоды русской литературы») В. Г. Белинского, которого Мирский по большей части оспаривает. В его терминологии доминируют понятия, определяющие стиль эпохи, литературного направления (реализм/классицизм/модернизм) и жанровые общности. Мирский пишет: «Наша основная *веха* (курсив автора статьи. – Л. Р.) в ранней истории русской – группа произведений, переведенных в Москве около 1677 года (не русифицированных, как Бова) и сохранявших следы языков, с которых были переведены (в их числе рыцарские романы, переведенные с польского языка)» (Святополк-Мирский, 2014, с. 82). Еще одна «веха» – после Петра I «великорусская литература» стала современной и западной, светской. В формировании прозаических жанров важную роль сыграли «элементы» (первоначала) галантной, сентиментальной любви (Святополк-Мирский, 2014, с. 82-84). Акцентирована роль немцев петровской эпохи в развитии русской поэзии. Вот типичные оценки их первых опытов: «...был чем-то вроде поэта», писал «не ниже принятого тогда уровня» (Святополк-Мирский, 2014, с. 88). Ломоносов-законодатель устанавливает нормы русского языка (важная «веха»). Далее следует формирование традиций светской художественной литературы во второй половине XVIII века, затем усвоение правил французского классицизма (Святополк-Мирский, 2014, с. 86). Кантемир – первый сознательно и художественно чувствующий реалист в русской литературе (Святополк-Мирский, 2014, с. 87). Определенной «вехой» стало также художественное развитие субъективного, внутреннего жизненного опыта, отраженного в поэзии, а не только фиксация впечатлений внешнего мира. Жуковский реформировал понятие «поэзия», придав ему новые коннотации, в частности «эмоциональный опыт преображения» (Святополк-Мирский, 2014, с. 137). У Вяземского, например, еще «личностная» поэзия в отличие от Пушкина и Жуковского (их *vice versa*) (Святополк-Мирский, 2014, с. 144). *Личностный/неличностный элемент* – этот критерий оценки вполне приложим к литературоведческому дискурсу Мирского. Можно сказать, что он создает свою *vice versa* истории русской литературы. Интересен именно его личностный взгляд на литературные явления, модальная, вероятностная их оценка («повидимому» – ключевая фраза, которая часто читается между строк). Семантически емкое понятие «вехи» маркирует этапы литературного процесса и одновременно открытия в области художественного видения.

Обращают на себя внимание отмеченные Мирским «курьезы» в истории литературы, мистификации, парадоксы. Их прочтение заставляет по-новому сопоставить известные факты: первый русский поэт Жуковский был переводчик, правда, некоторые его переводы английских современников (Саути, Мура, Кемпбела) превосходят оригинал, Пушкин же технического совершенства достиг раньше, чем стал поэтом (Святополк-Мирский, 2014, с. 150). Акцентированы характерные определения: Батюшков – «латинист», «язычник». Стиль Жуковского, который испытал немецкое, английское влияние, сочетает «оптимистическую религиозность», «эфирную легкость», совершенную мелодичность. Мирский заостряет и парадоксальным образом опровергает инерцию критического восприятия, например приводя ошибочное, на его взгляд, утверждение о том,

что Толстой – «совершенное дитя природы», «человек подсознания, стихии». Напротив, считает он, это «рационалист до мозга костей, один из величайших в истории»: «Его искусство не спонтанное открытие подсознания, а победа ясного понимания над *подсознательным*» (Святополк-Мирский, 2014, с. 403). Толстой, безусловно, предшественник Фрейда, но разница между ними, по мнению Мирского, заключается в том, что художник более прозаичен и уравновешен, чем ученый: «По сравнению с Толстым Фрейд – поэт и сказочник» (Святополк-Мирский, 2014, с. 403). Для иллюстрации этой мысли критик использует образное сравнение, говоря о том, что толстовская «фамильярность» в обращении с подсознательным – это фамильярность завоевателя в завоеванной стране.

Движение/школа/направление. Мирский выявляет в историко-литературном дискурсе прежде всего *типичное* для русского литературного ума. Единицами отсчета, измерения эстетических величин становятся у критика стилиевые общности разных уровней: «школа», «течение», «направление», «движение». «Поэты 1820-х годов образовывали реальное и при всем разнообразии единое *движение*, которое можно назвать *школой*. Обычно их называют *пушкинской плеядой*» (Святополк-Мирский, 2014, с.180). В качестве примера он приводит такие объединения, как «партия поэтов», «поэты-метафизики», «поэты-любомудры» (Святополк-Мирский, 2014, с. 180); «арзамасская поэтическая школа» (Святополк-Мирский, 2014, с. 174), «школа абсурдной поэзии» (Святополк-Мирский, 2014, с. 357); поэты-электики, «поэты-образники» (Л. Мей, Я. Полонский, А. Майков). Русская проза 1920-х годов, несмотря на западные (боковые) течения, влияния, является «глубоко, фундаментально, сознательно, даже агрессивно русской» (прием градации!) (Святополк-Мирский, 2014, с. 794). Общие черты ее – подчеркнутый формализм, «крайний орнаментализм», акцент на стиль и манеру, «агрессивный реализм», натурализм (отсутствие табу). Отмечено особое влияние А. Ремизова на А. Белого, Е. Замятина, на конструкцию их произведений, сказ (имитацию разговорного языка), любовь к «словесным курьезам» (каламбурам, словотворчеству) (Святополк-Мирский, 2014, с. 795). Мирский указывает на интермедийность творческой манеры А. Белого, сравнивая его письмо с картинами кубистов, с музыкой («Петербург» – скорее симфония, а не роман в «привычном смысле»), выделяет в его стиле прием «пересечения плоскостей» (двоемирие), дискретность, ритмичность, мозаичность описаний.

Русский исторический роман оценивается Мирским как экспериментальная форма художественного мышления, в которой органично соединились элементы автобиографизма, историзма и реализма. «Романы Писемского о народной жизни были частью *целого движения*» (Святополк-Мирский, 2014, с. 323). Яркие представители этой школы – Писемский, Островский, И. Ф. Горбунов (создатель запоминающегося образа генерала Дитятина). Мирский называет их произведения в противовес гуманной литературе западников «литературой о народном характере», который рассматривается не как объект сострадания, а лучшее выражение национальной самобытности. В их романах преобладает интерес описания среды, историческая интуиция, которые значимы сами по себе, независимо от художественной ценности и отражения ведущих стилиевых тенденций. Например, по мнению критика, произведения П. И. Мельникова-Печерского о староверах («не первоклассная литература», «мишурный псевдопоэтический» стиль только имитирует фольклор) останутся «в числе достижений русского романа» благодаря ярким характерам героев (Святополк-Мирский, 2014, с. 324). Романы Н. С. Соханской (Кохановской) сопоставимы с семейной хроникой Аксакова, но написаны в ином, романтическом ключе, герои даны в увеличенном виде, хотя это герои не эпоса, а исторического романа, «*лаборатории великого художественного мышления*» (Святополк-Мирский, 2014, с. 191). У Набокова (писателя и энтомолога) этот экспериментальный прием наблюдения получает название *in vitro* (в «пробирке»), в лекциях о «Дон Кихоте» он пристально разглядывает художественные хитроумные уловки, стилиевые узоры Сервантеса, изучая его «опыт». «Мои литературные и нравственные скитальчества» А. Григорьева Мирский называет «культурной автобиографией», где отразилась «не история души автора, а история его жизни в связи с культурной средой, породившей его, и с культурной жизнью нации» (Святополк-Мирский, 2014, с. 331). Вот почему это авторское жанровое открытие, хотя в мемуарно-автобиографической прозе нет жанрового канона. Мирский выделяет, как правило, новации, сформировавшие впоследствии традиции, говоря о художественных лабораториях и экспериментах. Романы также включены в эту парадигму историко-литературных *притяжений/отталкиваний*. В частности, можно проследить генезис и типологию русского романа (*провинциального, тенденциозного, реалистического*), движение его жанровых форм и «элементов», а также процесс их «обрусения». Например, указав на историю о том, как французский рыцарский роман «русифицировал» в волшебную приключенческую сказку, утратив «куртуазный элемент» (Еруслан) (Святополк-Мирский, 2014, с. 63).

В термине «почтовая проза» Мирским акцентировано пушкинское поэтическое, образное определение (Святополк-Мирский, 2014, с. 190). По его характеристике, в письмах, в этой «лаборатории» художественного языка, «естественный», «разговорный» язык стал образным, отточенным. Вот почему проза поэтов – комментарий к русской литературе и жизни, золотой век русской поэзии отождествляется с золотым веком эпистолярной прозы. Стилевые эксперименты фиксируют эстетические «вехи» и открытия в прочтении классики. Сказовая стилиевая манера В. А. Слепцова, бывшего «характернейшей фигурой шестидесятых годов», его реалистические диалоги, разговорные интонации, «диалектальные» особенности, например, имеют все преимущества «фонографической записи» (Святополк-Мирский, 2014, с. 446).

Казалось бы, открытие для читателя уже известного в концепции историка происходит благодаря приему остранения. Мирский смотрит на русскую литературу как бы со стороны, составляя путеводитель для иноязычного читателя с выделением ориентиров («вех» – исторических, биографических, теоретико-литературных), акцентированием маргинальных сведений, с осмыслением топологии ее художественного пути, привлекая для наглядности литературные параллели из английской литературы. Уникальность его «общего взгляда» на процесс делает его размышления интересными для всех, особенно для соотечественников. Для англоязычных читателей, правда,

опущены некоторые известные подробности, избыточные в краткой истории по следующим соображениям: «Невозможно дать точное представление о реформе, не входя в подробности, которые будут неуместны в книге, предназначенной для нерусского читателя» (Святополк-Мирский, 2014, с. 91-92).

Критическая оптика исследователя. Масштабы эстетических измерений у Мирского подвижны и обратимы. Достойными упоминания в многовековой истории литературы оказываются жанровые открытия и забытые имена авторов, отдельные произведения и памятные имена героев. Например, он вносит в нее «что-то вроде образца локальной приволжской поэзии» – балладу о Стеньке Разине и персидской княжне Д. Н. Садовникова, которая обрела со временем самостоятельное существование (Святополк-Мирский, 2014, с. 373). Им вписаны в мозаичную картину национального художественного сознания гении, шедевры, маргинальные литературные или идейные течения и их источники, типология героев, когда-то значимых, их персональная иерархия. Одним словом, исключительные по своему таланту или посредственности вещи или герои, например: фигура отца в «Воспоминаниях» Аксакова – один из «замечательных образцов обыкновенного человека» (Святополк-Мирский, 2014, с. 287). Читательское восприятие и личная оценка лежат в основе эстетических вердиктов автора, этот методологический принцип сближает позиции Д. Мирского и В. Набокова. Субъективизм исторической концепции Мирского также очевиден. «Свое видение мира – основа гениальности», по Мирскому, а также «новый взгляд» на поэзию (Святополк-Мирский, 2014, с. 373). Остается в литературе только эстетически значимое, произведения, в которых есть «привкус вечности», по словам В. Набокова, или привкус истинного искусства. «Привкус вечности» есть в истории Д. П. Святополк-Мирского, труд которого является «подвижным памятником» русской литературы.

Изучать классику («гениальных художников») через призму «гениальных читателей» (и «перечитывателей») – Д. Мирского, В. Набокова, А. Бема – чрезвычайно интересное и полезное занятие: на известные, казалось бы, литературные факты накладывается печать их личного эстетического опыта и оценки. Мирский не создает емких запоминающихся формул, как А. Бем («литературные припоминания», «метод мелких наблюдений») или П. М. Бицилли («литературные параллели»), выражающих методологические принципы межтекстового анализа. Его метод соединяет историко-литературный взгляд и непосредственную критическую оценку, диахронический и синхронический подходы. В духе формалистов он смотрит на современность не из прошлого, а оценивает прошлое с точки зрения современной системы понятий, в аспекте актуальных прочтений, включая в исследовательскую парадигму фразы «для своего времени» и «теперь» (*реликт прошлого / действенная сила*). Он воспринимает историю литературы как динамический процесс, эволюцию литературных форм, идей. Объясняя эстетический факт как необходимый, он не отрицает элемент случайности, «необъяснимого» в творческом акте (на примере художественного опыта Л. Толстого). «Общий взгляд» Мирского не исключает мелкую оптику: деталей, штрихов, узоров судьбы и стиля. У Мирского метаэстетические понятия функционируют в духе формального приема остранения, в данном случае прямого называния их социального или эстетического содержания. Происходит как бы «остранение остранения» (М. Эпштейн). Это отразилось в подборе терминов, обнажающих первоначальный социологический смысл привычных явлений (*плебейский, аристократический, реалистический*).

«Вехой» в развитии литературы стал процесс ее демократизации. У Мирского лейтмотивное выражение «литературная аристократия» имеет не только метафорический оттенок мастерства, письма по канонам, но и «социальную окраску» (*литературные плебеи / дворяне, радикалы / консерваторы*): «плебейские писатели» Писемский, Лесков (Святополк-Мирский, 2014, с. 294). «Литературная гегемония дворянства» (Святополк-Мирский, 2014, с. 133) противопоставлена «беллетристам-разночинцам» (Святополк-Мирский, 2014, с. 444). Понятие «класса» используется критиком в литературно-бытовой функции. По Б. М. Эйхенбауму, в пушкинскую эпоху происходит процесс профессионализации литературного труда и расширения «читательского слоя»: писатель превращается в профессионала-ремесленника, литератора, «занятие изящное и аристократическое», становится «отраслью промышленности» (2001, с. 68). Вот почему дворянство приобретает для Пушкина в тот момент значение орудия в борьбе за «дело литературы», становится своего рода профессиональным лозунгом (Эйхенбаум, 2001, с. 81). Обратный процесс выхода из литературной профессии отметит Б. М. Эйхенбаум, говоря об А. Фете и Л. Толстом. Синоним понятия «аристократии» – «литературный генералитет» (Эйхенбаум, 2001, с. 84).

У Мирского новизна в восприятии терминов вызвана прямой социологической или эстетической трактовкой привычных понятий, которые современный читатель воспринимает в ретроспективно-проекционном прочтении, от сложного к простому. Например, в формулировании принципов реализма акцентируется идеализм в отношении идей и теорий, «оптимистический взгляд на человека», т. е. гуманизм, особая атмосфера (Святополк-Мирский, 2014, с. 318). Реалистические герои – «другие», понятые через «родовое чувство», они «не субъективные создания воображения автора, основанные на экстраполяции личного опыта» (Святополк-Мирский, 2014, с. 318). Обозначены, как правило, четкие контуры их образов. Критиком акцентирована объективная манера повествования. «Детские годы Багрова-внука» С. Т. Аксакова, по его мнению, – «шедевр повествовательного реализма», образец русской чистоты, изящества, благородства благодаря «монументальной, библейской, гомеровской» простоте стиля, укрупнению персонажей до «мифических масштабов» («люди библейских масштабов») (Святополк-Мирский, 2014, с. 287). При этом «стиля как бы нет совсем, он совершенно адекватен тому, что выражает» (Святополк-Мирский, 2014, с. 286-287). Аксаков не исследователь человеческой души, он придает героям «скорее чувственную, чем психическую реальность» (Святополк-Мирский, 2014, с. 288). Постепенное, непрерывное изображение жизни отличается от драматического, событийного ее представления, стиль передает безмятежность «бессобытийного» детства. В этой манере бесстрастного, объективного, прозрачного повествования, с другой стороны, Мирский видит «дефект» стиля автора.

Переводимость/непереводимость – важный критерий оценки писателей для англоязычного читателя. «Закрытость» Пушкина, распятого на языковом барьере, трудность перевода поэта отчасти объясняется «исчерпанностью» его поэтического слова (Святополк-Мирский, 2014, с. 167). Поэзия «мысли» Баратынского легче поддается переводу, равно как поэтов-метафизиков или других поэтов, отражающих стилевые тенденции школ, объединенных. Феномен популярности Толстого на Западе объясняется «всеобщностью толстовского реализма», психологизмом, которые усиливают «человеческое» и «всемирное» в противовес локальному и социальному этнографическому элементу, всечеловеческое в противовес злободневному. Мирский определяет толстовский метод «присвоения и переваривания реальности», умение писателя превращать в искусство «сырой жизненный материал» (Святополк-Мирский, 2014, с. 407). «Главное в произведениях раннего Толстого – анализ, доведенный до последнего предела; поэтому предлагаемые им подробности – не сложные культурные факты, а, так сказать, атомы опыта, неделимые частицы непосредственного восприятия», – пишет он (Святополк-Мирский, 2014, с. 400). Выделяются именно «атомы опыта», общие для всего человечества, отбрасываются созданные «культурными навыками конструкции», разные для каждой цивилизации.

Жанровая специфика «Истории». Мирский создал жанр авторской истории литературы. По оценкам В. Набокова, это «лучшая история русской литературы на любом языке», составленная от древнейших времен до современности; по жанровому определению Г. Струве: ее «сжатый и обобщающий очерк» (Цит. по: Ефимов, 2019, с. 182). Или «историко-литературный экскурс, хронологически последовательный, с релевантными аналогиями из английского историко-культурного материала» (Цит. по: Ефимов, 2019, с. 269). По словам М. В. Ефимова, это уникальный труд «русиста-англофона» (2019, с. 249). Обращает на себя внимание уникальная обобщенность труда, в котором в научно-публицистическом аспекте объединены подходы «творческий» и читательский, общее и отдельное, теоретическое и аналитическое (Ефимов, 2019, с. 187). Монография Мирского, можно сказать, представляет собой метафорическое, индивидуально-авторское прочтение истории русской литературы. Если понимать под метафорой семантическую емкость, допущение разных интерпретаций, апелляцию к воображению, высокую степень абстракции и ощущение подобия. Для метафоры характерно также установление далеких связей, или метафорический контраст (ср. у Мирского, например, параллель *протопоп Аввакум / Пруст*).

Понятийная система критика существует не в виде определений, а, как правило, в виде описания и оценки. Взять хотя бы замечание о стиле Пушкина: «Система пушкинской риторики построена на счастливом использовании *mot juste* (точного слова), поэтическое воздействие – на метонимиях и тому подобных чисто словесных риторических фигурах при полном отсутствии метафор» (Святополк-Мирский, 2014, с. 151). Ей присущи смесь веселости, достоинства и грации (Святополк-Мирский, 2014, с. 152). Классификационные признаки могут быть детально описаны или заменены образной оценкой-впечатлением, например, в стихе Державина отмечены его «варварская шероховатость, непосредственная, наивная человечность» (Святополк-Мирский, 2014, с. 180). Можно выделить понятия индивидуальной научной мифологии Мирского: *литературные вехи, курьезы* («словесные курьезы»), *литературный темперамент, литературная атмосфера, «почтовая проза»* (эпистолярная), *героическая идиллия* (эпопея «Война и мир» Толстого), *романтическая эпопея* («Руслан и Людмила» Пушкина), *сентиментальные гуманисты, провинциальный роман, тенденциозный роман (roman à thèse)*. «Образы-понятия» Мирского сохраняют метафорический характер, что соответствует сочетанию в его манере художественного и критического дискурса и предметной образности цитируемого материала: «мелкий человек» (Святополк-Мирский, 2014, с. 799), «почтовая проза» (Святополк-Мирский, 2014, с. 319), «орнаментальная фактура стиля» (Святополк-Мирский, 2014, с. 798), «легкая поэзия» (*poesie fugitive*) (Святополк-Мирский, 2014, с. 143); «добродумные пустячки дмитриевской школы» (Святополк-Мирский, 2014, с. 133), «групповые чувства» (Святополк-Мирский, 2014, с. 161), «малые поэты», «поэты рефлексии» (Святополк-Мирский, 2014, с. 169), «растительный консерватизм» Толстого (Святополк-Мирский, 2014, с. 398), метод «излишних подробностей» Гоголя (Святополк-Мирский, 2014, с. 399), «романописание» (Святополк-Мирский, 2014, с. 444). Метафорические определения оживляют, беллетризуют «нестрогую» терминологию критика (*духовный эпикуреизм, плутовской, живой цинический реализм древнерусской повести, романтический пантеизм и его анимизм, фантастика*). Поэтическая модальность и терминологическая вариативность формируют «литературоведческую научную модель», представляют собой один из наиболее действенных инструментов анализа индивидуального поэтического видения мира. Индивидуальность речевого мировоззрения в отношении теоретического видения и процесса формирования понятийно-терминологической системы, таким образом, проявляется у Мирского в создании новых окказиональных смыслов и актуализации стилевой образности традиционных понятий.

Мирский в «Истории» создает представление о русской литературе как едином историко-культурном феномене, целостном ментальном явлении, выделяет в ее художественной онтологии «русский элемент», иначе «простую, скромную реалистическую грацию» (Святополк-Мирский, 2014, с. 353). Он рассматривает «почтовую» (эпистолярную) прозу как комментарий к русской литературе и жизни, квинтэссенцию того, чем стал русский реализм, «самая его субстанция» (Святополк-Мирский, 2014, с. 273). Русский реалистический роман, по Мирскому, должен рассматриваться как «единая литературная культура» (Святополк-Мирский, 2014, с. 271), иными словами, некий «культурный комплекс». В его труде концептуализируются понятия: «великорусская литература», «русская цивилизация», «древнерусская цивилизация». То, что Набоков определил как «привычку» русского сознания в отношении Пушкина, Мирский соотнес со всей русской литературой, полемически начиная ее описание с древнейших времен. Его опыт мифологизации и семиотизации русской литературы распространится впоследствии на саму культуру «в изгнании» (Г. Струве).

Заключение

В результате исследования мы приходим к выводам о том, что познавательная ценность для современного восприятия исторической концепции Мирского заключается, во-первых, в нарративной природе его дискурса, занимательной манере «рассказоведения» (с элементами пересказа первоисточника и его комментариями, обзором творчества писателей и анализом текста), апелляции к читательскому восприятию. Онтологический смысл и «индивидуальный гений» положены в основу эстетических вердиктов критика. Во-вторых, оригинальность прочтения заключается в его критической оптике, сочетающей различные масштабы «художественного видения», в сравнении современного критерия эстетической оценки и взятой в исторической перспективе, в анализе эволюции эстетического видения как способа изображения форм жизни и отражения в них наших представлений о ней.

В-третьих, в «общем» взгляде на русскую литературу со стороны, из эмиграции, отстраненно и тем самым остраненно, как на целостный, сложившийся феномен, как на семиотическую категорию со своими культурными кодами, «вехами», «штрихами», «шедеврами», формирующими в читательском восприятии «культурный синтез» этого уникального явления. Другими словами, Мирский создает *vice versa* истории русской литературы, жанр авторской истории литературы, соединивший в своем изложении оппозиции: общее/отдельное, оригинальное/переводное, личностное/неличностное, что позволяет рассматривать его труд как собственное сочинение на историко-литературном материале.

Перспективы исследования видятся нам в дальнейшем развитии двух направлений: историко-типологического (в области жанрологии, литературного процесса, межтекстового анализа), а также конкретно-исторического, связанного с анализом творческих индивидуальностей писателей и категориального аппарата формального метода (понятия «художественная реальность», «прием», «стиль»).

Источники | References

1. Ефимов М. В. Д. П. Святополк-Мирский: годы эмиграции, 1920-1932. СПб.: Изд-во Пушкинского Дома; Нестор-История, 2019.
2. Ефимов М. В. Д. П. Святополк-Мирский – историк русской литературы и литературный критик. Годы эмиграции (1920-1932): дисс. ... к. филол. н. СПб., 2018.
3. Ефимов М. В. «Mirsky and I»: к вопросу о творческих связях В. В. Набокова и Д. П. Святополк-Мирского // Русская литература. 2015. № 2.
4. Казнина О. Д. П. Святополк-Мирский // Казнина О. Русские в Англии. Русская эмиграция в контексте русско-английских литературных связей в первой половине XX века. М.: Наследие, 1997.
5. Литература русского зарубежья (1920-1940): учебник для высших учебных заведений Российской Федерации / отв. ред. Б. В. Аверин, С. Д. Титаренко. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2011.
6. Литературная энциклопедия русского зарубежья. 1918-1940: в 4-х т. М.: РОСПЭН, 2000. Т. 2. Периодика и литературные центры.
7. Прайс Н. Ю. Публицистическая деятельность Д. П. Святополк-Мирского 1919-1932 гг.: творческая индивидуальность в контексте развития русской эмигрантской периодики: автореф. дисс. ... к. филол. н. Краснодар, 2015.
8. Святополк-Мирский Д. П. История русской литературы с древнейших времен по 1925 год / пер. с англ. Р. А. Зерновой. Новосибирск: Свиньян и сыновья, 2014.
9. Смит Дж. Параболы и парадоксы Д. Мирского // Мирский Д. О литературе и искусстве: статьи и рецензии 1922-1937. М.: Новое литературное обозрение, 2014.
10. Эйхенбаум Б. М. Мой современник // Эйхенбаум Б. М. «Мой современник». Художественная проза и избранные статьи 20-30-х годов. СПб.: ИНАПРЕСС, 2001.
11. Smith G. S. D. S. Mirsky: A Russian-English Life, 1890-1939. Oxford: Oxford University Press, 2000.

Информация об авторах | Author information

Рягузова Людмила Николаевна¹, д. филол. н., проф.
¹ Кубанский государственный университет, г. Краснодар

Ryagyzova Ludmila Nicolaevna¹, Dr
¹ Kuban State University, Krasnodar

¹ lnryaguzova@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 17.08.2023; опубликовано online (published online): 12.10.2023.

Ключевые слова (keywords): Д. П. Святополк-Мирский; нарративные приемы; эмиграция; речевое мировоззрение; историко-литературный дискурс; D. S. Mirsky; narrative techniques; emigration; speech worldview; historical and literary discourse.